

После ужина Хэ Цзяньшань налил Линь Хуэю чашку чая. На самом деле, он ежедневно пьет много кофе, у него дома есть хороший чай, но у него нет традиционных приспособлений для чаепития. Однако Линь Хуэй не является особой личностью, в данный момент он стоит на балконе и наслаждается дуновением ветра, пытается рассеять жар от своего лица. Осенний ветер был прохладным и таким приятным. Когда Хэ Цзяньшань протянул ему чай, на мгновение ему не захотелось протягивать свою руку. Хэ Цзяньшань, казалось, заметил его колебание и помог ему поставить чашку на маленький круглый столик на балконе вместе со своей чашкой.

Горячий воздух медленно поднимался вверх, а затем задерживался на ветру. Некоторое время они оба молчали.

— Лето закончилось, — через некоторое время прошептал Линь Хуэй. Вероятно, из-за того, что он стоял спиной к Хэ Цзяньшаню, его голос звучал немного приглушенно.

Хэ Цзяньшань посмотрел на ночное небо, затем перевел взгляд на спину Линь Хуэя:

— Тебе очень нравится лето?

Линь Хуэй обернулся. Он слегка наклонил голову в сторону Хэ Цзяньшаня, как будто смотрел на него, но также словно погрузился в далекое воспоминание:

— Мой родной город... находится в сельской местности, в маленьком городке. За моим домом есть река. Летом я ходил днем ловить омаров на реке и рыбачить. Вечером моя бабушка готовила их, очень ароматно и вкусно.

— Есть также большое персиковое дерево во дворе, которое каждый год приносит много персиков. Я не мог больше ждать, когда видел, что персики краснеют, я ел их, не останавливаясь, а потом у меня начиналась диарея.

— Летом ночью мы наслаждались тенью. Знаешь что это такое? Каждая семья накрывала стол для ужина. После еды темнеет. После того, как бабушка убирала стол, я лежал на нем и смотрел на звезды. Она обмахивала меня веером, чтобы отогнать от меня комаров, пока болтала с соседями. В то время я думал, что звезды - это самое прекрасное, что есть на свете.

Линь Хуэй говорил очень медленно, и его голос становился все тише и тише, чем когда он ел и разговаривал раньше. Хэ Цзяньшань задавался вопросом, был ли он пьян, но время от времени они встречались взглядами, и глаза Линь Хуэя были ясны — может быть, он просто не хотел шуметь этой ночью.

— Позже я приехал в Цзинхуа, чтобы поступить в университет. Я пошел в супермаркет, чтобы купить что-нибудь на выходных. Я вернулся поздно и пропустил автобус. Поэтому я пошел на площадь озера Минюэ, чтобы сесть на автобус. Площадь очень большая, а на земле много маленьких ночных огней. Было очень темно, и я стоял на краю площади, под моими ногами был целый кусок звездного света, и я обалдел.

— О, кстати, я только что говорил о наслаждении тенью. Я вспомнил, что у моего соседа до сих пор есть большой старомодный магнитофон. Каждый раз, когда он наслаждается тенью, он начинает проигрывать кассеты и слушать песни. Я до сих пор помню «Pink Memories» Хань Баои. Когда я учился в колледже, я пел эту песню на КТВ со своими соседями по комнате, и они чуть не умерли со смеху. Говоря это, Линь Хуэй не мог сдержать смех.

Хэ Цзяньшань тоже рассмеялся.

Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Голос Линь Хуэя был подобен тонкой шелковой нити, тянущей его сердце, внезапно затрепетавшего, когда Линь Хуэй говорил о речке и персиковом дереве, как шел ловить омаров, собирал персики; когда он говорил о звездах и площади, он также чувствовал, что это самые красивые пейзажи в мире; когда он говорил о пении и о том, как его дразнят соседи по комнате, он мог полностью представить Линь Хуэя, студента колледжа, поющего на КТВ, играющего с друзьями, ярко и счастливо улыбающегося. Необъяснимые эмоции переполняли сердце Хэ Цзяньшаня, он сожалел, что никогда не видел Линь Хуэя, когда тот был студентом, — он не сомневался, что Линь Хуэй должен был быть самой яркой звездой в кампусе, привлекающей внимание всех мальчиков и девочек.

— Это незабываемо, — Линь Хуэй взял остывшую чашку чая, и слегка коснулся чашки Хэ Цзяньшаня, — теперь твоя очередь.

Хэ Цзяньшань долго думал. По сравнению с интересным и любящим сельским детством в воспоминаниях Линь Хуэя его собственная история действительно тусклая:

— Моя жизнь слишком скучна, я не знаю, что рассказать.

Линь Хуэй выразил недовольство:

— Значит, я напрасно так много болтал и не смогу ничего услышать в ответ?

Хэ Цзяньшань начал подозревать, что выпил слишком много, иначе он не почувствовал бы, что Линь Хуэй говорит так, как будто кокетничает, он не мог удержаться от легкого кашля и сказал:

— Что ты хочешь узнать? Я расскажу. В противном случае, просто рассказывай все, что хочешь, я не против.

— Я тоже не знаю... — Линь Хуэй устало встал, сел и начал серьезно думать. — Почему бы тебе не поговорить о проекте «медового горшочка», мы можем поговорить об этом?

Хэ Цзяньшань удивленно посмотрел на Линь Хуэя, словно не ожидал, что тот упомянет об этом. Он не ответил, все ли в порядке, но задал вопрос:

— Ты знаешь, для чего этот план?

Линь Хуэй слегка прикрыл глаза:

— Конечно, я очень ясно... — чтобы почтить память своей матери, г-н Хэ Цзяньшань, председатель и генеральный директор Ванжу, специально запустил проект «медовый горшочек» и учредил фонд общественного благосостояния, надеясь преподнести запоздалый дар любви студентам Цзинхуа, которые также потеряли своих матерей. Пока они соответствуют условиям, студенты, учащиеся в крупных университетах города Цзинхуа, могут подать заявку. После того, как они пройдут проверку, они могут получить фиксированную сумму подарочных денег или одноразовый подарочный пакет, предоставленный компанией.

Хэ Цзяньшань на мгновение опешил, в его голове промелькнула мысль. Прежде чем он смог понять, что это было, Линь Хуэй гордо открыл глаза и улыбнулся:

— Я все это знаю!

Хэ Цзяньшань не знал смеяться ему или плакать:

— Почему у тебя такая хорошая память? Ты помнишь отчеты, сделанные так давно? Помнишь ли ты комментарии?

— Помню, все они хвалили председателя Ванжу, говорили о том, какой ты заботливый и социально ответственный человек, что твоя любовь к матери трогательна, а семейная

привязанность бесценна.

Улыбка на лице Хэ Цзяньшаня медленно исчезла, и он опустил глаза, наблюдая, как чайные листья в чашке плавают вверх и вниз. Через некоторое время он сказал:

— Это рекламное заявление — на самом деле, это пиар, который я сделал для стабильности компании.

Линь Хуэй в шоке посмотрел на Хэ Цзяньшаня.

— Ты чувствуешь разочарование? Этот фонд общественного благосостояния не такой теплый, как предполагалось, и я не такой добрый человек, как они говорили.

— Достаточно посмотреть на результаты. У меня есть все операции фонда за эти годы, и я лучше, чем кто-либо другой, знаю, как он существует, — быстро обрел самообладание Линь Хуэй.

Хэ Цзяньшань сделал паузу:

— Ты хочешь знать, откуда произошло «медовый горшочек»?

Вечерний ветер оборвал голос Хэ Цзяньшаня, Линь Хуэй серьезно посмотрел на него.

— Когда я был маленьким, я однажды играл со своим другом. Он сказал, что в доме его бабушки был белый фарфоровый кувшин, который всегда был наполнен каменным сахаром. Каждый раз, когда он приходил к бабушке поиграть, он любил открывать кувшин и есть каменный сахар. Это было очень сладко. Сладше всего на свете. Не знаю почему, но я все еще помню этот случай. Когда сотрудники спросили меня, как называется фонд, я сразу подумал об этом, поэтому я назвал его «медовый горшочек» — ощущение того, что моя мать любит меня, наверное, как сахар в банке, сладше всего на свете.

Тон Хэ Цзяньшаня был слегка отчужденным и насмешливым, что заставило Линь Хуэя почувствовать сожаление. Он внезапно понял, что для Хэ Цзяньшаня эта тема может быть не такой полной радости и ностальгии, как он сказал. У него не было намерения вмешиваться в частную жизнь Хэ Цзяньшаня, если это не было приятным воспоминанием, Линь Хуэй надеялся, что он больше не будет думать об этом.

— Хотя это было создано словами «Я сделал это для своей матери», на самом деле та часть, которая действительно связана со мной от начала до конца, может быть только деньгами...нет, деньги не считаются, деньги оплачивается компанией, — уголки рта Хэ Цзяньшаня изогнулись, а дуга была настолько слаба, что ее вот-вот могло сдуть ветром. — Это результат защиты интересов.

— Нет, — вдруг заговорил Линь Хуэй, который все это время сидел тихо. Он нахмурился и посмотрел на Хэ Цзяньшаня, он казался немного рассерженным, поэтому еще раз подчеркнул, — нет.

Хэ Цзяньшань не стал объяснять, а Линь Хуэй, похоже, не хотел больше ничего говорить, и они оба одновременно замолчали.

Между небом и землей остался только шелестящий ветер.

Линь Хуэй не мог ясно видеть выражение лица Хэ Цзяньшаня и не мог догадаться, о чем тот думал в данный момент. Они, очевидно, очень близки, но кажутся разделенными многими вещами, очень далеко друг от друга. Правильно, все именно так, он должен был понять, что Хэ Цзяньшань всегда был таким, как изолированный остров, он не уйдет, но и приблизиться не сможет.

Линь Хуэй ненавидел это чувство.

В этот момент выносливость после нескольких бокалов красного вина полностью восстановилась, а эмоции Линь Хуэя смешались с алкоголем и вечерним ветром и начали бурлить в геометрической прогрессии. Любовь, которая долгое время подавлялась в его сердце, казалось, наконец, дождалась удобного случая, в одно мгновение прорвалась сквозь землю, а затем с разрушительной силой похитила его сердце. Он обо всем забыл, просто инстинктивно хотел найти выход, хотел вырваться из этого затруднительного положения, хотел спастись...

Дыхание Линь Хуэя стало прерывистым, он не мог не схватить Хэ Цзяньшаня за запястье и сказал:

— Мистер Хэ...

Все вот-вот выйдет наружу.

Эти несколько слов были у него на губах, пока он их произносит, он получит ответ, несмотря ни на что. Линь Хуэй, ты хочешь попробовать это? Кажется, что он и Хэ Цзяньшань всегда были связаны с ночью — они не спали всю ночь на работе, они также гуляли среди тусклого света, когда отдыхали, они делились ночными пейзажами разных городов, они также купались в одном и том же месте. Так может ли он теперь также сказать человеку перед ним о своей бурлящей любви в такую ночь?

Хэ Цзяньшань терпеливо посмотрел на него и спросил тихим голосом:

— Что не так? — он придвинулся немного ближе, и Линь Хуэй увидел, что его глаза были очень яркими, как янтарь на свету.

Руки Линь Хуэя сжимались и разжимались. Ладони у него были горячие, может быть, от вина, а может, от страха — его неоднократно мучила «любовь».

Все в этой ночи было слишком идеальным: вкусная еда, непринужденная беседа, осенний ветер, запах чая, и Хэ Цзяньшань, все было в самый раз. Ему не хотелось уничтожать все это, и он надеялся, что будь то он сам или Хэ Цзяньшань, когда он однажды вспомнит эту ночь, в его голове возникнут только самые прекрасные вещи.

Уголки глаз Линь Хуэя покраснели, он изо всех сил старался сдержаться и медленно отпустил руку:

— ...подсолнухи проснулись.

Лучше пусть этот момент останется таким в глазах друг друга.

Хэ Цзяньшань на мгновение замер, а затем посмотрел на подсолнухи неподалеку. По сравнению с ленивым видом, когда он их получил, сейчас весь букет вытянулся, а ярко-желтый цвет моментально осветил ночь.

Хэ Цзяньшань вдруг рассмеялся, он посмотрел на Линь Хуэя, его глаза были полны нежности, которую он даже не заметил:

— Да, проснулись.

Автору есть что сказать:

Возможная ночь.

<http://bllate.org/book/14609/1296200>